

ВАДИМ ПАРСАМОВ, ТАТЬЯНА ШАНСКАЯ

Власть и просвещение в России XVIII – начала XIX вв. (Вводные замечания к теме)

В черновике неотправленного письма к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. А. С. Пушкин писал: «правительство все еще единственный Европейец в России»¹. Этим поэт обозначил ведущую роль русской монархии в европеизации страны, которая для него, и не только для него, связывалась с идеей просвещения. Еще в 1822 г. в так называемых «Заметках по русской истории XVIII века» поэт писал: «Петр I не страшился народной свободы неминуемого следствия *просвещения* (курсив мой – В. П.), ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»². При всем различии взглядов поэта в 1822 г. и 1836 г. нельзя не отметить устойчивость некоторых исходных положений: в одном ряду оказываются такие понятия как *монархия, просвещение и свобода*.

Само слово «просвещение» в русский язык пришло из церковнославянского языка, где его изначальное значение было «крещение», то есть внесение света истинной веры во тьму язычества. В Церковном словаре Петра Алексеева сказано: «Просвещати <...> значит: крестить, сподобить св. Крещения»³.

В этом смысле крещение Руси Владимиром Святым, воспринимаемое как просвещение, создало устойчивый архетип: правитель просвещает свой народ, ведет его из тьмы язычества к свету истинной веры. При этом сам Владимир изначально просветителем не именуется. Он всего лишь посредник между Христом и русскими людьми. Истинным просветителем является Иисус Христос «иже възлюбил новыя люди, Русьскую землю, и просвети ю крещением святым»⁴. Что касается самого Владимира, то «Володимир же просвещен сам, и сынове его, и земля его»⁵.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание соч.: В 16 т. Т. XVI. С. 422.

² Там же: В 10 т. М., 1958. С. 126.

³ Алексеев Петр. Церковный словарь. СПб., 1816. Т. III. С. 348.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 134.

⁵ Там же. С. 136.

Однако по мере продвижения летописного повествования Владимиру усваивается роль просветителя. Происходит это при правлении Ярослава Мудрого, деятельность которого рассматривается как прямое продолжение деятельности Владимира. Крещение Руси оценивается как прецедент культурно-просветительской деятельности самого Ярослава Мудрого: «Отець бо сего Володимир *землю* взора и умягчи, рекше крещеньем просветив»⁶. Таким образом, Владимир мифологизируется как просветитель и вокруг него создается просветительский миф. Основные черты его следующие. В пространственно-временном отношении культура делится на две противоположные части, которые соотносятся между собой как *старина* и *новизна*, как *истина* и *ложь*. «Новии людье просвещени святым духом». Соответственно старые люди — это непросвещенные язычники. Старина, мыслится как традиция, обреченная на гибель, а новизна как спасение: «Аще бо он не крестил бы нас, то ныне были быхом в прелести дьяволи, якоже и прародители наши погынуша»⁷. Новизна ассоциируется прежде всего с новой истинной верой, дающей право на спасение, но не только. Сама вера понимается как созидательная работа, направленная на овладение умами людей. Сюда относится книжное дело: «велика бо бывает полза от ученья книжного»⁸, наличие школ: «послав, нача поимати у *нарочитые* чади дети, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плаху по них, еще бо не бяху ся утвердили верою, но аки по мертвечи плахася»⁹. Здесь просвещение передается через антитезу «смерть — рождение». Дети, отдаваемые в школу, как бы умирают для старой жизни, чтобы возродиться для новой.

И еще один важный компонент просветительского мифа — *насилие*. Вопрос о том, сопровождалось ли крещение в действительности насилием или нет, в данном случае имеет второстепенное значение. Безусловно одно: миф «просвещения» включает в себя образ врага, над которым следует одержать победу. В случае с Владимиром — это языческие боги, кумиры которых он громит: «Яко приде, повеле кумиры испровреци, овы исещи, а другия огневи предати. Перуна же повеле привязати коневу к *хвосту* и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се не яко древу чоюще, но на поруганье бесу, же прелщаще сим образом человеки, да возмездье примет от человек». Но насилие совершается не только над традициями, которые должны умереть, но и над просвещаемыми. Владимир прямо объявляет врагами тех, кто уклонится от крещения: «Аще не обрящется кто *заутра* на реце, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет». В Иоакимовской летописи сохранился рассказ о том, как в Новгороде Путята и Добрыня крестили народ «мечом и огнем». И как следствие этого насилия — характерная для просвещения вера в мгновенное перерождение: «*вчере* ра чтим от человекъ, а днесъ поругаемъ»¹⁰.

⁶ Памятники литературы Древней Руси... С. 166.

⁷ Там же. С. 146.

⁸ Там же. С. 166.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 130 — 132. Ср. у И. С. Тургенева:

*Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал:*

Сам просветитель находится между двумя мирами. С одной стороны, он принадлежит миру тьмы и лжи, то есть миру, нуждающемуся в просвещении, а с другой стороны, духовно он уже принадлежит миру, откуда исходят лучи истинной веры. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона о Владимире говорится: «Паче же слышано ему бе всегда о благовернии земли Гречьске, христоролюбиви же и сильне вьрою, како единого Бога в Троици чтут и кланяются, како в них делаются силы и чюдеса и знамения, како церкви людии исполнены, како *веси и гради* благовернии вси в молитвах предстоять, вси Богови престоять. И си *слышав*, възделела сердцем, възгоре духом, яко быти ему христиану и земли его»¹¹.

Усвоение ценностей очень быстро принимает состязательный характер, и просвещаемый мир стремится превзойти по части просвещения сам источник просвещения. Чем новее вера, тем она ценнее, «не вьливаю, по словеси Господню, вина новааго учения благодетьна в мехы ветхы»¹².

И, наконец, еще одна важная черта просветительского мифа, это связь просвещения и самодержавия. Уже в «Слове о Законе и Благодати» о Владимире говорится «единодержець быв земли своеи»¹³. И значительно позже Иван Грозный в первом послании А. Курбскому писал: «Сего убо православия истиннаго Росийского царствия самодержавство божием изволением почен от великаго князя Владимира, просветившаго Русскую землю святым крещением»¹⁴. При этом «самодержець» в данном случае не абсолютный монарх, а точный перевод с греческого *αὐτοκράτωρ*, т. е. независимый, имеющий неограниченные права. В этом смысле «самодержець» оказывается сопряженным с такими понятиями как «учитель» и «наставник». А поскольку первопросветитель — это Царь небесный Иисус Христос, то предполагается, что цари земные как бы изначально обладают просветительскими функциями¹⁵.

Этот миф своеобразно преломился в эпоху Петра I. Деятельность Петра, секуляризирующего русскую культуру, в известном смысле была прямо противоположна религиозному пониманию просвещения. Но сама противоположность сближала эти явления. Это давало возможность совершать двойную подмену. С одной стороны, смысл слова менялся с сакрального, на мирской, а с другой стороны петровская деятельность как бы освящалась самой параллелью ситуаций: *крещение* Владимира — *реформы* Петра. Эта параллель, которая присутствовала уже в сознании современников Петра I, неоднократно привлекала внимание исследователей. Наиболее подробно она освещена в работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, отмечавших, что «создание новой, разрушающей традиционное православие культуры осмыслялось как ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ РУСИ»¹⁶.

*И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.*

(Тургенев И. С. Сочинения: В 15 т. Т. VII. М.; л., 1964. С. 201)

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 592.

¹² Там же. С. 589.

¹³ Там же. С. 591.

¹⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 12.

¹⁵ Ср. у Пушкина: «Самодержавною рукой он смело сеял просвещение».

¹⁶ Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 236.

Таким образом, сохранялся основной культурный архетип: правитель просвещает свой народ, ведет его от мрака к свету (ср. известные слова Феофана Прокоповича о том, что Петр обрел деревянную Русь, а оставил ее золотой).

Современное значение слова «просвещение» выступающее как образование применительно к петровской эпохе значительно сужает круг тех явлений, которые в глазах самого Петра и его окружения покрывались этим понятием. Трагикомедия Феофана Прокоповича «Владимир» свидетельствует о том, что для людей петровского времени ситуация с крещением Руси была актуальной. В деятельности Петра легко обнаруживаются восходящие к ней стереотипы. Владимир, крестив Русь, поделил пространство русской культуры на языческое и христианское, кроме того, христианство, принятое от Византии, породило представление о Западе как о мире греха, а о Руси как о мире святости.

При Петре эти устойчивые стереотипы оказались перевернутыми. Антитеза «язычество — христианство» теряет свою актуальность и заменяется антитезой «старая Русь» — «новая Россия». Подобно тому, как на ранних этапах русского христианства языческие нормы быта причудливо переплетались с христианскими, так в петровскую эпоху новое европейское влияние столь же причудливо переплеталось с традиционными ментальными и поведенческими моделями. Запад теперь предстает не как мир греха, а как мир Разума, а Русь соответственно кажется не святой, а невежественной страной, где царят предрассудки, порожденные традиционным сознанием. Свою задачу Петр как «просветитель» видел в том, чтобы вырвать страну из плена традиций и привести ее в мир Разума. Поэтому просвещение при Петре фактически становится синонимом реформ.

Историки петровского времени до сих пор спорят о том, какая реформа была доминирующей в общей системе преобразований, если последняя вообще имела место. Не вдаваясь в суть этих споров, отметим, что независимо от того, какую реформу поставить во главу угла, все они будут иметь дополнительный общекультурный смысл, что вытекает из глобальной задачи петровского «просвещения». Ни в какой другой сфере Петр не был столь настойчив и упрям, как в культурных нововведениях, и нигде, как здесь, его реформы не встретили такого ожесточенного сопротивления. Вопреки мнению В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, считавших, что начавшаяся Северная война привела к реформам¹⁷, можно полагать, что наоборот, начавшиеся культурные преобразования, настоятельно требовавшие сближения с Западом, привели к войне.

Показательно, что начало войны совпало по времени с открытием в Голландии русской типографии. В 1700 г. Петр выдал грамоту амстердамскому издателю Яну Тессингу, чтобы тот открыл типографию, в которой бы печатал «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математические, а архитектурные, и городостроительные, и всякие ратные и художественные книги на славянском и латинском языках вместе, тако и славянским и голландским языком по особну, от чего б русские под-

¹⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории Часть IV // Ключевский В. О. Собрание соч.: В. 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 45–64; Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. СПб., 1905.

данные много службы и прибытка могли получить и обучиться во всяких художествах и ведениях». При этом особо оговаривалось, что не следует печатать церковные книги, так как они «печатаются в нашем царствующем граде Москве»¹⁸.

В этих словах в свернутом виде присутствует суть петровской программы просвещения. Запад становится источником знаний, подобно тому, как Византия была во времена Владимира источником веры. Как и тогда, просвещение осуществляется через книги. Но если раньше книжное дело противопоставлялось устной традиции, теперь мирские книги противопоставляются религиозным. Но при этом сохраняется принцип обмена «своего» и «чужого». То, что находится в Москве, то для Петра является «своим», от которого необходимо отказаться ради того, чтобы усвоить «чужое», находящееся за границей. При этом «чужое» может как переводиться на «свой», в данном случае славянский язык, так и выражаться на «чужом», в данном случае голландском языке. Не менее примечательно и то, что становится предметом просвещения — это, прежде всего технический и технологический уровень западного развития. Европейские техника и естествознание для Петра не часть общеевропейской культуры, а ее суть, то, что сродни религии. Поэтому в его сознании, западному прогрессу противопоставляется не столько отсталость России, сколько русская церковь, которая является сутью национальной культуры¹⁹.

Следствием этого и явилась секуляризация культуры, но при этом отрицательное отношение к церкви не затрагивало основ религиозного сознания ни у Петра, ни у его сподвижников, и борьба с православным миром осуществлялась не просто по традиционным, а по весьма архаичным канонам. Традиционные представления могли восприниматься как ветхозаветные. Так, по словам И. И. Голикова, отражавшего в первую очередь представления самого Петра, поездка Петра за границу в 1697 — 1698 гг. «принята была подданными с величайшим негодованием, яко дело не только никогда не бывалое, но и яко противное закону прежних государей и закону божию; а духовенство не оставило то объяснить и из Священного Писания, в коем возбранялось израильскому народу иметь сообщение с иноплемениками, и что странствование людям Нового Израиля в еретические земли, яко противное закону божию, нанесет повреждение вере и православному закону»²⁰. Православный закон, в том виде, как его понимало русское духовенство, для Голикова ассоциируется со старой верой, на смену которой должна прийти новая. И эта новая вера должна прийти с Запада в виде европейского образа жизни. Поэто-

¹⁸ Цит. по: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Ч. I. С. 11.

¹⁹ Следует учесть, что Петр не был религиозным вольнодумцем, и очень серьезно относился к вере: «подобно отцу, знал на память богослужение, певал басом на клиросе, строил храмы (иногда по собственным чертежам), вытачивал церковную утварь. Даже «разрешить» себя от постов он самовольно не посмел, испросив на этот случай разрешение у патриарха иерусалимского. Однако православие царя — бытовое, лишенное не то, что экзальтации, но обыкновенной религиозной теплоты» (*Панченко А. М.* Церковная реформа и культура петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т. III. (XVI I— начало XVIII века). М., 1996. С. 499). Но при этом он достаточно отрицательно относился к православному духовенству, считая его рассадником невежества.

²⁰ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. I. С. 282—283.

му петровское просвещение в первую очередь мыслится как европеизация, и начинается оно с преобразования человеческого тела.

Знаменитое бритье бород в действительности имеет глубокие культурные корни, и обнаруживает архаичность сознания самого Петра. Генетически оно восходит к средневековому обряду *barbatoria* — первому бритью юноши, свидетельствующему о его переходе в иную возрастную группу. Фактически это было одной из разновидностей обряда инициации. После того как мальчику побрили подбородок, его начинали считать мужчиной, а тот, кто совершил этот обряд, приравнялся к крестному отцу. В этом смысле Петр, бреющий бороды своим поданным, как бы совершал над страной обряд крещения. Это можно рассматривать как своего рода символический пролог к дальнейшим реформам.

Прямым следствием указа о брадобритии стала перемена костюма. По словам Голикова, «сперва повелел монарх платью сему быть венгерскому, но потом сие отменил, а указал носить мужскому полу верхнее саксонское и французское, камзолы и нижнее платье немецкое, и женскому — немецкое»²¹. Переодевание дворянства имело более важные культурные последствия, которые может быть еще до конца не осознаны. Одежда не только закрывает тело, но и влияет на телодвижение. Переодетый человек постепенно меняет походку и жестикуляцию. Кроме того, одежда имеет прямое отношение к общению людей. Специалистам по истории костюма еще предстоит выяснить, чем были обусловлены колебания Петра при выборе венгерского, французского или немецкого платья, но в любом случае речь шла не просто о костюме, но и о его ношении, т. е. о его культурной функции. Переодетые и побритые дворяне невольно оказывались в положении учеников, а Петр соответственно в роли их наставника.

За переодеванием последовала еще одна важная реформа: в середине декабря 1699 г. (7208 г.) Петр издал указ об изменении календаря и о начале нового летоисчисления. Этим русский календарь приводился в соответствие с европейским. Но этим дело не ограничивалось. С новым летоисчислением вводился и новогодний праздник 1 января. «Устанавливаемый впервые, — пишет А. М. Панченко, — всякий праздник непременно отрицает старый порядок и устанавливает новый»²². Но в данном случае праздник имел еще и обучающий характер: Россия вводилась в новое для нее временное пространство, и празднование являлось путем освоения этого пространства. Вообще всевозможные праздники и торжества в петровскую эпоху играли огромную роль. Помимо того, что отмечалось то или иное событие, праздники обучали людей новым формам общения. Уже сразу после празднования 1700 г. последовал указ, касающийся женской эмансипации: «Попечительнейший о благе подданных монарх повелел, — пишет Голиков, — чтоб впредь женскому полу иметь в честном обхождении с людьми совершенную свободу и чтоб как замужние жены, так и девицы ходили не закрываясь на свадьбы, на пиршества и на всякие публичные увеселения»²³.

²¹ Там же. С. 356.

²² Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. (XVII— начало XVIII века). М., 1996. С. 147.

²³ Голиков И. И. Указ. соч. Ч. II. С. 11.

В одной из своих работ Ю. М. Лотман противопоставил два типа обучения языкам культуры. В одном случае культуре учатся как родному языку, когда в сознание обучаемого сначала вводятся тексты, а потом он сам усваивает грамматические правила. В другом случае культуре обучают как иностранному языку взрослого человека, и тогда в сознание обучаемого сначала вводятся правила, а затем уже по этим правилам он учится создавать тексты. Культура первого типа в качестве основного принципа выдвигает обычай, культура второго – закон»²⁴. В реальной практике оба эти типа, как правило, сосуществуют и нередко накладываются друг на друга. Петровская эпоха провела между ними жесткую грань. Сам Петр взял на себя функции демиурга, культурного героя, человека, учителя обучающего людей иностранному языку. Его подданные вдруг заметили, что им предписывают новые культурные правила, и тем самым они почувствовали себя иностранцами у себя дома. Им буквально было предписано говорить на иностранных языках. При этом иностранный язык стал как бы паролем, отделяющим человека петровской культуры от профана, находящегося за пределами культурного пространства. Так, например, в «Юности честного зерцала» сказано: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы тем навыкнуть могли, а особливо, когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать»²⁵.

Мир, не поддающийся выражению средствами иностранного языка, признавался старым, варварским, невежественным и вообще лежащим за пределами культурного пространства. Именно он подлежал просвещению. Радиализм петровской просветительской модели обуславливался тем, что просвещение мыслилось Петром не только как европеизация, то есть смена культурных кодов, но и как окультуривание и даже очеловечение. Неслучайно допетровская Русь деятелям петровской эпохи нередко представлялась в зооморфном облике. Так, например, по свидетельству Юста Юля, «скотами царь называет природных своих подданных», которых «ему-де приходится обращаться <...> в людей и предводительствовать ими в войне с одним из могущественнейших мудрейших и воинственнейших народов мира»²⁶.

Просвещенный человек живет по закону, непросвещенный – по обычаю – это универсальная модель Просвещения. При этом не имеет значения, идет ли речь о христианском законе или об указах Петра. И в том, и в другом случае, благодаря закону, создается новый народ, подчиняющийся их действию. Так А. Кантемир писал:

*Мудры не спускает с рук указы Петровы.
Коиими стали мы вдруг народ уже новый*²⁷.

²⁴ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 37.

²⁵ Цит. по: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Ч. I. С. 383.

²⁶ Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 111. Ср. в «Слове о Законе и Благодати» Митрополита Илариона: «И прежде (т. е. до крещения – В. П.) бывшем нам яко зверем и скотом, не разумеющем деснице и шюице и земленых прилежащем, и нимало о небесных попекущемся, посла Господь и к нам заповеди, ведущаа в жизнь вечную...» (Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 590).

²⁷ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 75.

Общим местом в литературе о Петре стало представление о том, что его реформы проводились крайне жесткими методами, и человеческая личность как таковая в его глазах не представляла ценности. При этом нередко количество жертв петровских преобразований просто преувеличивается. Безусловно, петровские реформы, как, впрочем, и любые реформы, ложились бременем на народное тело. Но в значительной степени это как бы входило в правила игры. Просвещение, как любое обучение кого-то чему-то, включает в себя элемент насилия. «Наш народ, — говорится в одном из указов Петра, — яко дети малые, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»²⁸.

Петровская эпоха фактически сформировала новый тип человека. Именно при Петре в России складываются новые нормы и правила межличностного общения. Появляется такое понятие, как «людкость», означающее человеческое общение. Таким образом, в петровскую эпоху понятие «просвещение», сохраняя свои сакральные корни, переносится на мирские явления. В этом сказался общий принцип секуляризации культуры, когда религиозные термины начинают обслуживать светские понятия.

* * *

В 1760-е гг. понятие просвещения меняет смысл. Перед правительством Екатерины II стояли уже новые задачи. Петр и лично, и руками своих подданных совершал прежде всего *физическую* работу по строительству нового государства. Просвещение для него означало европеизацию, а европеизация — заимствование технических и технологических достижений Запада. Для Екатерины, Запад — это прежде всего идеи. Само понятие просвещения теперь связывается с тем комплексом философских идей, которые во Франции получили название «les Lumières». И само слово «просвещение» может осмысляться как калька с этого французского термина. В этом смысле «просвещение» обозначает не только философское направление, но и порожденный им тип мышления, некий культурный миф, характеризующий психологию человека той эпохи.

Основу просветительского мышления составляет глобальная культурная оппозиция «Природы — Цивилизации», что применительно к человеку означает противопоставление его естественного и гражданского состояний. Чаще всего для выражения этих антиномий просветители оперировали понятиями «Разум — Предрассудки». Разуму соответствует некий должный порядок вещей, который реален, но который не обязательно присутствует в современном философу мире, где царят предрассудки, представляющие собой мнимую, но в то же время вполне ощутимую реальность. Разумно лишь то, что не может быть отчуждено в процессе человеческой деятельности — это воздух, пища, свобода и т. д., одним словом мир подлинных вещей, которым противостоят знаки, то есть то, что не может быть использовано непосредственно, но что нарушает природное равенство людей — это деньги, чины, ордена и т. д.

²⁸ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С.151.

Сам человек, взятый в его исходном природном состоянии, отличается простотой и непротиворечивостью. Добро, с которым люди относятся друг к другу — это норма. Зло соответственно — это всего лишь искажение первоначального добра. Оно не существует само по себе и таким образом не имеет онтологической природы. Злой человек — это тот, в ком под влиянием общественных предрассудков подавлено первоначальное добро. Поэтому возвращение к добру мыслилось просветителями всего лишь как восстановление нормы, и предполагалось, что возвращение это может произойти мгновенно. Для этого необходимо только избавиться от предрассудков, от привычки неправильно жить и неправильно мыслить. И то, и другое вырабатывается у человека в результате неправильного воспитания и корысти воспитателей. Отсюда необходимость правильного воспитания — такого, которое бы не искажало природную сущность человека. Для этого человека необходимо оградить от искажающего воздействия социальной среды.

Хотя родиной Просвещения является Англия, мифологизация этого понятия связана в первую очередь с так называемой «республикой философов», которая складывается во Франции в 1730-е гг., и представители которой объединяются вокруг издания знаменитой Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера.

Общеизвестно, что идеи энциклопедистов были близки Екатерине II. Можно обсуждать степень глубины, с которой она их усваивала, но нельзя не заметить, что само ее мышление находилось в плену мифа Просвещения, оно было сформировано им и в свою очередь сформировало тот язык, на котором создавалась государственная идеология в России второй половины XVIII в.

Ю. М. Лотман обратил внимание на то, что слова в екатерининской Жалованной грамоте дворянству, гарантирующие неприкосновенность «чести, жизни и имени» были заимствованы императрицей у французских просветителей, где они служили «основой общественного договора и одновременно формулой неотъемлемых прав человека <...> Культурный парадокс, — пишет Ю. М. Лотман, — сложившийся в России ситуации состоял в том, что *права господствующего сословия* формулировались именно в тех терминах, которыми философы Просвещения описывали *идеал прав человека*»²⁹.

Между тем этот парадокс объясняется различием исторических условий, в которых находились Россия и Западная Европа в то время. На Западе просветительский миф в той или иной степени был воспринят и востребован большинством людей, главным образом представителями третьего сословия, отстаивавшими свои права в борьбе с дворянскими привилегиями. В России, где третьего сословия не было, окрепшее в ходе петровских реформ дворянство, являлось наиболее мобильным и активным в культурном отношении социальным срезом. Ориентированное на европейскую культуру русское дворянство питалось главным образом идеями, продуцируемыми в Европе третьим сословием. Поэтому, если в Европе Просвещение призвано было устранить социальное и культурное преимущество дворянства, то, на русской почве просветительские идеи как раз укрепляли доминанту дворянской культуры. Будучи третьесословным на Западе, Просвещение было дворянским в России.

²⁹ Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 196.

Позиция Екатерины в вопросах просвещения существенно отличалась от позиции Петра. Петру не было необходимости доказывать легитимность своей власти. Вся его бурная законотворческая деятельность по сути дела не затрагивала сферу прав человека. Страна жила не по законам, а по указам. Сам Петр, усвоив в 1721 г. титул Отца Отечества, являлся для своих подданных не просто правителем, а именно отцом, учителем, наставником. Это как бы заведомо лишало его взаимоотношения с подданными договорного характера. Екатерина же с самого начала стремится переориентировать общества с вопроса о законности своей власти на вопрос о ее целесообразности. Ей необходимо было внушить подданным мысль, что с ее воцарением идет эра добра и справедливости, когда просвещенный монарх, «российская Минерва» правит, руководствуясь твердыми законами, в интересах всего народа. Факт незаконного захвата власти Екатерина стремилась закамуфлировать идеей общественного договора, заключенного с нацией³⁰. Но для того, чтобы эти идеи можно было внедрить в общество, общество необходимо было подготовить к их восприятию. Поэтому вся законотворческая деятельность Екатерины носит не столько юридический, сколько просветительский характер. При этом ее просвещение лишено тех крайностей, которыми оно сопровождалось в петровскую эпоху. Если Петр, не стеснялся унижать свой народ и всячески подчеркивал его невежество по сравнению с европейскими народами, то Екатерина хорошо усвоила мысль Монтескье, писавшего, что «Петр I сообщил европейские нравы и обычаи народу *европейскому* (курсив наш — В. П., Т. III.)»³¹. А следовательно нет никакой необходимости в насильственной европеизации. Известное положение екатерининского наказа «Россия есть Европейская держава»³² предполагало, что русская история неотъемлемая часть европейской истории, а русская монархия всегда была и есть монархия просвещенная.

В полемике с книгой французского аббата Шапа д'Отроша «Путешествие в Сибирь» Екатерина излагает совершенно фантастическую версию правовой истории России: «...Римские законы были введены у нас вместе с христианством, потому что они составляли часть законов церковных, что великий князь Ярослав, отец Святого Александра Невского, придал законам, которые он ввел, письменную форму, эти законы были скопированы с древних законов Новгорода, которые в свою очередь были теми же самыми, что и законы, которым следовал тогда почти весь Север. Царь Иван Васильевич издал новый кодекс; царь Алексей Михайлович — другой. Земские судьи в те незапамятные времена назначались каждый год, никто не мог быть наказан без суда. Все дела рассматривались на предназначенных для этого советах.

³⁰ В этом не следует видеть лишь идеологическую мишуру, не имеющую никакого отношения к реальности. Екатерина понимала, что с дворянством, точнее с ее ближайшим окружением, она действительно связана договорными отношениями. Те, кто возвел ее на престол, легко могут ее оттуда низвергнуть. М. Н. Покровский в свое время остроумно заметил, что «обе Екатерины и Анна получили» власть «из рук «народа», одетого в преображенские и семеновские мундиры» (Покровский М. Н. Собр. соч.: Т. II. С.245)

³¹ Монтескье Ш. Избр. произведения. М., 1955. С. 417.

³² Наказ Ее Императорского величества Екатерины второй самодрежицы Всероссийской данной комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1893. С. 3.

Как и повсюду, в особенно важных делах обращались к церковным властям. Мне кажется, что это правление разумно, как и почти все другие правления в Европе того времени, и может быть даже лучше, чем в иных странах»³³.

Если до Екатерины русские правители понимали просвещение как определение для народа каких-то жестких рамок: христианский закон при Владимире, или идея регулярного государства при Петре, то Екатерина стремилась приучить общество мыслить по-европейски. Поэтому она делала акцент не на обучении, а на воспитании.

С одной стороны, она пыталась воспитать дворянство в духе идей европейского Просвещения. С этим связано появление ее Наказа Комиссии о составлении нового уложения и созыв самой комиссии, а, с другой, она искала пути создания «новой породы людей», путем создания сети закрытых воспитательных домов для детей. Восприняв просветительские идеи о преимуществе домашнего образования над общественным, Екатерина по сути дела попыталась положить их в основу государственной политики воспитания, то есть как бы придать государственному образованию домашний характер. Мимо выражения «новая порода людей» не проходит, кажется, ни один исследователь, затрагивающий тему воспитательных идей Екатерины II и И. И. Бецкого, которому это формулировка, собственно говоря, и принадлежит. Но при этом, как правило, не обращается внимания на истоки этого выражения. Между тем оно имеет прямое отношение к магистральным путям европейской культуры XVIII в.

Примерно с середины XVIII в. европейский человек живет с ощущением грядущей катастрофы. Европу накрыла тень от приближающейся Французской революции³⁴. Европейские философы и публицисты ищут пути спасения. Антропологический характер Просвещения подсказывал, что спасение заключено в самой человеческой природе. Человек, от природы наделенный добротой, портится в результате искажающего воздействия окружающей среды. Но среду создают люди. Получается замкнутый круг. Человек портится в процессе социального воспитания, и сам создает испорченную среду. Поэтому пороки в обществе лишь нарастают, приближая глобальную катастрофу. Для того чтобы изменить среду, нужно как-то изменить человека. Это можно сделать только путем изолированного воспитания. Но где взять воспитателей? Ответ на этот вопрос Екатерина видела в идее просвещенного абсолютизма. Монарх дружит с философами, людьми, чей просвещенный разум, ставит их выше предрассудков среды. Просвещаясь от общения с философами, монарх, используя данную ему власть, воспитывает свой народ, воздействуя на него просветительскими идеями. Создание государственной системы воспитания позволит воспитать «новую породу людей», которая избавит мир от предрассудков и предотвратит приближающуюся катастрофу.

Просвещение Екатерина понимала как однонаправленный процесс. Монарх просвещает своих подданных и ведет их за собой. В качестве примера можно привести путешествие Екатерины по Волге в 1767 г. В этом плавании

³³ *Екатерина II*. Соч. СПб., 1901. Т. 7. С. 83 (оригинал по-французски)

³⁴ О том, какие настроения царили в это время в русском обществе см.: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 43–45.

ее сопровождало две тысячи человек и весь дипломатический корпус. Под ее непосредственным руководством придворные занимались переводом только что вышедшего во Франции и наделавшего там много шума романа французского академика Мармонтеля «Велизарий». В этой книге Мармонтель излагает просветительскую теорию абсолютной монархии. Материалом для автора послужила римская история VI в. Но весь «историзм» романа ограничивается именами главных героев. Их мысли и речи принадлежат полностью XVIII в. Велизарий – византийский полководец, одержавший при императоре Юстиниане несколько побед, затем обвиненный в государственной измене, был арестован и, согласно легенде, ослеплен по распоряжению Юстиниана. В романе Велизарий – философ, потерявший зрение, но обладающий высшей государственной мудростью. Он по-прежнему предан Юстиниану и ведет с ним философские беседы, не зная, правда, кто перед ним, так как император до поры до времени себя не раскрывает. Основная идея книги заключается в необходимости твердых законов в гражданском обществе. Мармонтель полемизирует с руссоистской теорией общественного договора, согласно которой народ в случае нарушения его прав правителем, может восстать и покарать тирана. Для Руссо народ как главный источник законов стоит над ними. Мармонтель же считает, что законы превыше всего. Он осуждает их нарушение со стороны правительства, но в то же время не оставляет за народом право на восстание.

Нарушение законов Мармонтель считает следствием непросвещенности. Монарх может заблуждаться, особенно если он окружен льстивыми придворными, скрывающими от него истину, и в этом случае он становится деспотом. Но стоит только ему сблизиться с честным или просвещенным мыслителем, который рассеет туман лжи и прольет на него лучи истины, как сразу же деспот превратится в добродетельного правителя. Монархия представляется Мармонтелю менее опасной формой правления, чем республика. Монархи, как и все люди, добродетельны по своей природе. Деспотизм есть чудовищное искажение нормы, своего рода болезнь. Поэтому такой монарх заслуживает не столько осуждения, сколько сожаления, и всегда остается надежда его излечить через просвещение. У Мармонтеля Екатерина могла еще вычитать и близкие ей мысли о важности губернаторских должностей, посредством которых управляется империя.

Коллективный перевод «Велизария» помимо общекультурного имел еще и педагогический смысл. Императрица стремилась внушить своим придворным новые для них понятия о самодержавии, более гуманные, чем те, к которым они привыкли. Придворные должны были усвоить, что русская монархия питается не только традициями, но и разумом. И вместе с тем Екатерина стремилась убедить Европу в том, что просвещение в России продвинулось далеко вперед, и что идеи, преследуемые европейскими монархами, при русском дворе встречают сочувствие и понимание.

В принципе Екатерина думала, что так будет всегда: она дирижирует, а общество исполняет нужную ей мелодию. Но очень скоро оказалось, что это не так. Идеи просвещения мощным потоком хлынули в Россию, и русское общество обернуло их против ее власти. Для этого оказалось достаточным соотнести с действительностью правительственные декларации о правах

человека, как это сделал А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Спаская Полесь» автор прямо указывает на несоблюдение основного принципа Жалованной грамоты, гарантирующего защиту «чести, жизни и имени»: «Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны <...> отнимали у людей имение, честь, жизнь»³⁵. Идеи просвещения, запущенные Екатериной в общество, возвращались к ней в виде беспощадной критики. Радищев был не только оппонентом, но порождением екатерининской политики, потому что именно Екатерина поставила вопрос о связи просвещения с общественной свободой в России.

Таким образом, просвещение в историческом ракурсе всегда связывается с каким-то комплексом идей, подлежащим распространению в обществе. И если просвещение Владимира обещало народу спасение души, а просвещение Петра несло идею «общего блага» и регулярного государства, то просвещение Екатерины впервые ставило вопрос о правах человека.

Ситуация меняется при Александре I. С образованием министерства просвещения просвещение утрачивает универсальный характер и бюрократизируется, становясь в один ряд с другими сферами государственного управления. Это связано прежде всего с теми изменениями, которые произошли в общественном сознании в результате Французской революции. Для людей рожденных в 1750-60 гг. просветительские идеи не только составляли сферу идеологии, но и являлись неотъемлемой частью их психологии. Вера в то, что все люди добры от природы и что переход от социального гнета к социальному равенству может быть мгновенным, была настолько сильна, что когда она рухнула, то на смену ей пришлось жесточайшее разочарование.

Воспитанник швейцарского просветителя и республиканца Ф-Ц. Лагарпа, Александр с детства хорошо усвоил идеи Просвещения. Но в новых исторических условиях эти идеи оказались невостребованными. Тем не менее важно различать просветительские идеи и просветительское мышление. Отказ от первых еще не означает изменение последнего. Переосмысление просветительских идей на рубеже XVIII – XIX вв. осуществляется нередко в рамках просветительского мышления. Само русское слово «просвещение» включало в себя слишком много положительных коннотаций, чтобы можно было отказаться от его использования. Поэтому стали говорить об истинном и ложном просвещении. Под ложным просвещением могла пониматься как вся философия XVIII в., так и злоупотребление ею в ходе Французской революции. Так, например, В. В. Измайлов в 1804 г. на страницах своего журнала «Патриот» не подвергая сомнению основной комплекс просветительских идей («истребление всех предрассудков, вредных, для человека; терпимость всех мнений политических, религиозных и философских, как скоро они не приносят вреда обществу; распространение Искусств и Наук, которые умножая наслаждения жизни, размножают в то же время способы народной промышленности; должное уважение к нравам, просвещеннейшее употребление богатств, обращение власти к пользе народов» и т. д.) полагал, что «Франция страдала беспримерным образом от недостатка Философии». Этим самым Измайлов сни-

³⁵ Радищев А. Н. Полное собр. соч. М.; Л., 1938. С. 247. См.: Лотман Ю. М. . Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века. С. 68.

мал ответственность с «Писателей-философов», которые хотели просветить умы для великих должностей, прежде нежели даровать им великие права»³⁶. Противопоставляя идеи Просвещения их непросвещенному применению на практике, Измайлов не только не считает необходимым подвергать их пересмотру, но, напротив, он призывает к их более глубокому осмыслению. Однако такая точка зрения в начале XIX в. казалась уже архаичной. Люди, размышляющие о социальных преобразованиях в новых условиях, стали полагать, что Французская революция показала жизненную непригодность просветительских идей. И именно в силу этого они не могут служить делу *практического* просвещения. «Есть люди, — писал И. П. Пнин, — которые о просвещении народа заключают по числу их сочинителей: то есть там, где больше находится сочинителей, там более и просвещение. По мнению сих людей, Франция должна бы почестся наипросвещеннейшею страной в свете, потому что она обильнее всех прочих своими писателями. Но сколь при всей ее блистательной учености далеко еще отстоит она от истинного образования»³⁷. Ибо там, где царствует просвещение, там спокойствие и блаженство суть уделом каждого гражданина»³⁸. Если ложно понятое просвещение ведет к революции, то правильное просвещение способствует установлению прочных отношений между сословиями в государстве на основе строгих законов. Таким образом, синонимом просвещения становится образование как в широком, законодательном смысле, так и в узком — как создание сети учебных заведений. Народное образование должно служить основой для преобразования всего общества. 8 сентября 1802 г. Александром I был подписан указ об учреждении 8 министерств, в том числе министерства народного просвещения, которое, по мнению Пнина, «поистине может назваться древом, а прочие его ветвями»³⁹.

Соединение просвещения и образования меняло сам характер просветительского мифа. Если раньше просвещение могло мыслиться как мгновенный акт, как некое прозрение, превращение ветхого народа в новый народ, то теперь оно связывается с постепенным процессом распространения знаний. Теперь речь идет не о достижении какого-то идеала, а о постепенном искоренении недостатков. Практическая сторона просвещения становится важнее его идеологического насыщения.

Одним из устойчивых противопоставлений мифа Просвещения было противопоставление: «история — теория». За этим скрывался принципиальный вопрос о том, что такое истина. Заключается ли она в человеческом опыте, накопленном веками или же она в теоретическом рассуждении? Для просветителей в целом характерно отрицательное отношение к событийной стороне истории. В ней они видели лишь нагромождение предрассудков и преступлений. Как считал Вольтер, история «есть не что иное, как собирание людских заблуждений»⁴⁰. Примерно то же самое утверждал Руссо,

³⁶ Патриот. Т. I. Генварь. 1804. С. 6–8.

³⁷ Под образованием в данном случае понимается благоустройство.

³⁸ Пнин И. П. Сочинения. М., 1934. С. 124.

³⁹ Там же. С. 159.

⁴⁰ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 8.

когда писал: «все наши истории начинаются там, где они должны были бы оканчиваться»⁴¹. Самое неубедительное в истории для просветителей — это факты. В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо полемично заявил: «Начнем же с того, что отбросим все факты»⁴². И как бы развивая эту мысль, писал в «Эмиле»: «А на что мне нужны факты сами по себе, если смысл их остается для меня неизвестным»⁴³.

Реакцией на просветительское отношение к истории явился историзм европейской культуры рубежа веков. Там, где просветители видели лишь нагромождение предрассудков, романтики, идущие во многом от Гердера стали усматривать духовные корни современной культуры. В русле этих идей находится «История Государства Российского» Карамзина, которая писалась под патронажем Александра I. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что Александр освободил исторический труд Карамзина от цензуры, считая, что истина не может подлежать цензуре. Примерно треть объема карамзинской «Истории» занимают примечания, содержащие обширные выписки из источников. Это имеет не только научное, но и общекультурное значение. Этим утверждается, что исторический факт является критерием истины. Однако из этого не следует, что «История» Карамзина свободна от просветительских реликтов. Но их наличие свидетельствует о преодолении основных положений просветительского взгляда на исторический процесс.

Другим путем преодоления мифа Просвещения были религиозные искания Александровской эпохи. Религия открывала возможность чувственно-интуитивному постижению мира в противовес рационально-теоретической эпистемологии Просвещения. Особенно хорошо это заметно на примере Священного союза. Существующая давняя традиция рассматривать эту организацию в контексте мистических увлечений императора на проверку оказывается ни на чем не основанной. Исследователей в данном случае сбивает с толку два обстоятельства. Во-первых, увлечение Александра I мистицизмом, а во-вторых, евангельская лексика самого текста договора. Что касается первого обстоятельства, то увлечение царя мистикой началось еще до войны⁴⁴, и прямого отношения к проблемам войны и мира не имело. Что же касается евангельского учения, на основе которого Александр предложил строить новые отношения в Европе, то почему оно обязательно связано с мистицизмом? Мистическую сторону христианской религии составляет, как известно, учение о чуде, но именно этот аспект в тексте договора отсутствует. Европейским монархам предлагается «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей святой веры, заповедями любви, правды и мира». Ключевым является слово «мир», которое ассоциируется с такими понятиями, как *любовь, семья, братство* и т. д. Вещи столь же очевидные для христианской этики, сколь и непривычные для дипломатического языка той эпохи. Именно неожиданность для международной политики такого рода выразительных средств, помноженное на ставшую притчей

⁴¹ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 280.

⁴² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. М., С. 46.

⁴³ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 280.

⁴⁴ См. об этом: Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 130.

во языцех неискренность царя, склонного к тому же к мистицизму, и позволило видеть в этом некий иной, непостижимый смысл, и отсюда возникло мистическая трактовка идей Священного союза.

В действительности же мы имеем дело с попыткой переосмысления просветительских идей с позиций христианской морали. Первое, что обращает на себя внимание, это то, что Александр предлагает строить внутривнутриполитические и внешнеполитические отношения на одних и тех же принципах. Для просветительской мысли было характерно противопоставление внутренней политики, основанной на идее общественного договора, и внешней, в основе которой лежит естественное право. Идее общественного договора царь противопоставляет семейные отношения, основанные на любви. Сама идея любви делает излишним любой договор. Соответственно во внешней политике монархи должны руководствоваться не принципами эгоизма, а братскими отношениями, связывающими членов родственных семей.

Таким образом, нет достаточных оснований трактовать эти идеи как мистические. Они скорее утопические. Однако прежде чем говорить об их беспочвенности, следует учесть своеобразие того исторического момента, когда они были высказаны. Позади были годы международной политики, основанной на эгоизме и откровенном цинизме, окончившиеся крахом, обнаружившим всю их непривлекательность. И как в этих условиях было не попробовать строить политические отношения на простых и всем понятных принципах христианской морали!

В позднейших оценках Священного союза постоянно совершается смешение намерений царя с последующими практическими действиями союза. Между тем для уяснения того смысла, который сам Александр вкладывал в свое детище, необходимо смотреть на проблему не ретроспективно, а исторически, т. е. проследить появление и развитие в сознании царя тех идей, которые отразятся в тексте договора.

Помимо общехристианских идей, идея Священного союза питалась еще лежащей на периферии просветительской мысли идеей вечного мира⁴⁵. Высказанная в начале XVIII в. аббатом Сен-Пьером проблема вечного мира позже привлекла внимание Руссо, изложившего обширный трактат Сен-Пьера в двух небольших статьях. Привлекательность этих мыслей в глазах Александра I усиливалась еще от того, что они связывались с политикой такого популярного монарха, как Генрих IV и его министр Сюлли. В свое время Генрих IV обдумывал и даже пытался воплотить в жизнь проект Христианской республики, объединявшей европейские монархии, как противовес австрийскому господству в Европе. Идеи религиозной терпимости и утверждение единства христианской веры противостояли в то время губительной практике религиозных войн. Для Александра I, который в посленаполеоновской Европе

⁴⁵ Совсем недавно европейские идеи «вечного мира» и их преломление в русской культуре конца XVIII — первой половине XIX в. были исследованы Е. Л. Рудницкой. См.: *Рудницкая Е. Л. Миротворческая парадигма русской общественной мысли в контексте европейского просвещения // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 204. Она же. Мир без войны: русское преломление европейской идеи // Отечественная история. 2002. № 3. С. 67–83.*

претендовал играть такую же роль, какую Наполеон играл в военной, и стать, по выражению Карамзина, «гением покоя», важен был исторический прецедент, и фигура Генриха IV, самого популярного и миролюбивого монарха Франции, была для русского царя актуальной и весьма привлекательной. Традиционно с личностью Генриха IV так же связывались идеи соединения политики и морали, как с Наполеоном принципы макиавеллизма.

Отказ Александра от роли монарха-просветителя своего народа не означает отказа от роли «просветителя» как такового. Но если его предшественники Петр I и Екатерина II несли из Европы свет Разума в Россию, то Александр, наоборот, стремился явить миру из России новые принципы международной жизни. В этом смысле он явно претендовал на роль просветителя европейских народов.

В этом отношении религия позволяла переосмыслить само слово «просвещение», вернуться к его сакральным истокам. Объединение в 1817 г. министерств просвещения и духовных дел свидетельствует именно об этом. Таким образом круг замкнулся. Власть снова приходит к мысли о необходимости религиозного просвещения. Популярность в николаевское царствование знаменитой уваровской триады «самодержавие, православие, народность», при всех ее европейских истоках, во многом объясняется тем, что она хорошо вписывалась в русский архетип Просвещения.